

общественных интересов. Следует отметить, что в представлении современного человека толерантно (терпимо) настроенная личность являет собой идеал, «чуждый всякого рода неприязни и озлобленности, открытый для общения и обладающий коммуникабельностью в любой среде, ибо... под терминами... понимается не что иное, как терпимость человека по отношению к представителям других взглядов, вне зависимости от расовой, этнической, социальной, культурной, религиозной составляющих жизни другого человека».

Таким образом, общенациональные российские ценности (духовность, государственность, державность, народность, патриотизм, общинность), проявляющиеся в идеальных потребностях (познания, созидания, творчества, единения, персонализации), являются неотъемлемой частью общечеловеческих ценностей. Основой для них служит исторически выработанная в конкретных физико-географических и социально-исторических условиях общенациональная российская идея. Таким образом, формирование общенациональных российских ценностей студенческой молодежи следует выделять как направление в воспитании и как ценности.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Носков В.А.,
доктор философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Смысл межкультурного диалога проясняется прежде всего в контексте соотношения понятий «культура» и «цивилизация». Согласно общепризнанной точки зрения, рассматриваемые понятия «соприкасаются» и «проникают друг в друга», что, тем не менее, требует выявления их принципиальных семантических акцентировок и спецификаций. Так, по мнению П.К. Гречко, культуру нужно связывать с самоорганизацией духа, а цивилизацию – с гражданским, общественным устройством нашей жизни. В связи с этим «цивилизация фиксирует уровень и результат прогрессивного развития общества, в то время как культура выражает механизм и процесс освоения этого уровня – результат всех его составных элементов»¹. Исходя из данной посылки, можно заключить, что наращивание цивилизационного потенциала человечества и культурная «интериоризация» этого процесса, как правило, не стыкуются, что ставит под вопрос и саму перспективу линейного, поступательного развития, то есть всего того, что олицетворяет прогресс или же каким-то образом связано с ним. Гармонический симбиоз цивилизационной и культурной составляющей мирового прогресса есть скорее идеал, нежели реальность, что, неизбежно, продуцирует проблему культурного плюрализма, закономерно перетекающую в проблему межкультурного диалога.

---

¹ Гречко П.К. Введение в обществознание. - М.: Уникум-Центр, 1996. С. 73.

В настоящее время проблема межкультурного диалога выходит на передний план в силу в силу конфликтогенности этого феномена, являющегося питательной почвой для экстремизма в различных его формах и проявлениях. Истоки этой проблемы в том, что сама культура воплощает сосуществование в своем лоне рациональной и иррациональной составляющей: первая апеллирует к интеллектуальным (разумным), а вторая – к волевым (волюнтаристским) способам познания и преобразования социального мира. Именно иррациональная составляющая культуры отвечает за формирование *духовности*, так как на путях чисто интеллектуального постижения социальной реальности невозможно проникнуть за ее пределы, ибо здесь теория и практика определяются логикой, сформировавшейся опять-таки в ее (реальности) границах. Но, не проникнув за пределы этих границ, невозможно создать, сконструировать принципиальные ориентиры, «вечные» ценности, которые и придают смысл всему тому, что имеет место, происходит в пределах данной, сформировавшейся де-факто реальности. Поэтому иррационализм становится *традицией*, скрепляющей реальность, задающей ей принципиальные валюкативные ориентиры и тем самым делающей ее легитимным явлением.

Контрадикцию «интеллект – духовность» можно считать имманентным противоречием культуры. Но имманентность подчеркивает обязательность и, следовательно, абстрактность данного противоречия. Здесь доминирует *текст* (буквальное значение), а не *контекст* (условное значение). А «текст» гласит, что интеллектуальная и духовная составляющие культуры не только предполагают, но и ограничивают друг друга, обеспечивая равновесное бытие общественного организма. Но когда речь идет о «контексте», об этом равновесии скорее нужно забыть, ибо здесь оно скорее идеал, нежели реальность. В данной системе координат контекст – это «социализация» культуры, ее заземление в рамках конкретно-исторических обстоятельств, детерминированность факторами политического, экономического, этнического и иного характера.

Контекстом (детерминантой) в свете рассматриваемой темы выступает глобализация. При анализе данных процессов, как представляется, нужно принимать во внимание тот непреложный факт, что интеллектуальная компонента культуры открыта для унификации мирового социокультурного пространства, тогда как ее духовная составляющая подразумевает фракционность этого пространства, т.е. признание права на самобытность тех или иных его субпространств (в цивилизационном, национальном, государственном и иных аспектах). Первая компонента культуры есть рационализм (производственные технологии, наука и т.д.), вторая – иррационализм (собственно культурные технологии, религиозный фактор и т.д.). Глобализация же по форме скорее есть рациональный инструмент воздействия на все сферы общественной жизни, любые проявления социальной активности, тогда как по содержанию она иррациональна, ибо здесь на первый план выходит проблема «стыковки» культурных кодов, мировоззренческих матриц, политико-правовых норм и т.д. Получается, что последний (содержательный) аспект глобализации объективно затмевает рационализированные способы (формы) ее осуществления. Другими словами, в контексте глобализации культура неизбежно трактуется (на уровне

специализированного и обиденного сознания) не как средство приобщения к универсальным принципам, нормам, образцам, а, прежде всего, как инструмент спецификации – обоснования и защиты самобытности того или иного цивилизационного, национально-государственного, этнического образования. И последняя компонента культуры в контексте глобализационных процессов актуальна, значима, очевидна.

Нестыковка духовных начал различных культур – причина трансформации межкультурного диалога в различного рода «монологи», ведущиеся от имени конкретных культур и провоцирующие *экстремизм* как неотъемлемое сопровождение данного процесса, как способ обоснования и защиты культурной «самости». Экстремизм есть акцентированный выброс социальной энергии вовне – на «другой мир», олицетворяющий иные (иногда противоположные) ценности, нормы, алгоритмы освоения, объяснения и преобразования социальной реальности. В этом – суть, первооснова экстремизма, тогда как на феноменологическом уровне проявляется его многоликость, когда разные экстремистские ипостаси (формы), причудливо взаимодействуют между собой, дополняя и в то же время оттеняя, обозначая (зачастую на путях конфронтации) друг друга. Поэтому главенствующее значение приобретает вопрос *не противодействия экстремизму вообще, а противодействия той из его форм, которая является на данный исторический момент наиболее опасной как применительно ко всему человечеству, так и касательно отдельных его цивилизационных и государственных образований (фракций).*

Исходя из этого, необходимо выделить основные формы бытия экстремизма, памятуя о том, что они существуют не автономно, а интегрированно, т.е. образуют некое единство, каждая из составляющих (частей) которого, занимая некую нишу в общественной системе, реализует свое основное предназначение, временами увеличивая свое влияние (за счет уменьшения потенциала других составляющих), а временами теряя его (за счет поглощения всего или части своего потенциала другими составляющими). Как представляется, три ипостаси экстремизма имеют статус атрибутивных (неотъемлемых) характеристик общества: (1) политико-идеологический экстремизм; (2) культурно-религиозный экстремизм; (3) маргинальный (криминальный) экстремизм.

Политико-идеологический экстремизм воплощает государство, в силу своей запрограммированности на рациональное регулирование многообразных проявлений социальной жизни; *культурно-религиозный экстремизм* представлен обществом, по причине аккумуляирования в нем иррациональных (основанных на традиции) импульсов обеспечения преемственности и развития; *маргинальный экстремизм* порождается состоянием аномии (по терминологии Э. Дюркгейма), при котором пропадает ощущение смысла всего происходящего и имеющая место активность подогревается данным обстоятельством, выступает своеобразной мстостью за отсутствие в обществе порядка, определенности, четко очерченных перспектив его развития.

Первые две формы экстремизма можно считать *магистральными (основными)*, отвечающими за «диалог» между властью в лице государства и самоуправляющимися ячейками общества, тогда как маргинальную его форму – свое-

образной *девиацией*, отражением глубокого кризиса власти и общества, государственных и самоуправляющихся структур. Если культурно-религиозный экстремизм – *фундаментальная основа* выброса «избыточной» социальной энергетики «во вне», то политико-идеологический экстремизм – *надстройка* экстремистского космоса, отвечающая за регулирование импульсации культурно-религиозного плана. В последнем случае стратегическая цель состоит в нивелировании наиболее одиозных проявлений культурно-религиозного экстремизма, в конечном счете – в решении проблемы порядка в обществе. В идеале данные экстремистские формы призваны уравнивать, «гасить» притязания друг друга, обеспечивая поступательность и предсказуемость в общественном развитии. Нарушение же баланса их потенциального и актуального состояния увеличивает масштабы и повышает роль *маргинального экстремизма* как следствия потери обществом и государственной властью принципиальных ориентиров развития, когда на первый план выходят псевдокультурные ценности и замещающие официальную власть структуры, становящиеся главными регуляторами социальной системы, будь это конкретный населенный пункт или же регион, охватывающий часть одной страны, либо целые группы стран.

Современность характеризуется выходом на первый план *культурной подоплеку экстремизма*, что связано с девальвацией идеологического фактора, до недавнего времени определявшего развитие человечества. Идеология – это сцементированная основополагающей идеей рационализированная трактовка общества, задающая понимание сути и принципиальных векторов (ориентиров) его развития, наделяющая с точки зрения прошлого, настоящего и будущего смыслом любые проявления социальной активности. Причем, девальвация (обесценение) затронула как мировые, так и национальные идеологии. К мировым идеологиям обычно относят *социализм и либерализм*.

Идея (идеология) социализма дискредитирована прежде всего историческим опытом – способами и методами ее реализации в странах так называемого «реального социализма». Дискредитация же либерального проекта (идеологии) обусловлена глобализационными процессами, когда под флагом насаждения либеральных ценностей возобладала практика (пока избирательная) ликвидации государственного суверенитета (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия) или же огульная ломка политическими элитами некоторых стран сложившихся в них общественных устоев без учета конкретно-исторических, культурных и иных обстоятельств («шоковая терапия» под либеральными лозунгами в России, странах СНГ, Балтии и Восточной Европы). Девальвация мировых идеологий сродни их «проседанию», потери былого влияния, хотя каждая из них по-прежнему занимает свою нишу, обозначая патронируемую ей главную проблему – свободы (либерализм) и справедливости (социализм).

И вот на фоне идеологического «проседания» на передний план выходит то, что инвариантно, т.е. непреходяще – *фактор культуры*. В этих условиях *межкультурный диалог происходит в «чистом» виде*, т.е. не испытывает на себе в огромной степени влияния наслоенных идеологического и политического плана. Поэтому теперь для типичных участников коммуникации, общения важно то, *носителями какой культуры* являются их vis-à-vis, а не то, что имеет

отношение к их гражданству, политическим взглядам и воззрениям, ибо в эпоху глобализации границы между государствами становятся прозрачными, а политический плюрализм носит скорее условный (предвыборный), нежели безусловный (повседневный) характер. В конце концов, никто не может формально, т.е. законным путем, запретить пересечение границ государств исключительно на основании, допустим, признака культурной идентичности, религиозной принадлежности или чего-либо в этом роде. Таким образом, в настоящий исторический момент культурно-религиозный экстремизм являет собой глобальную угрозу, ключевой дестабилизирующий фактор мирового масштаба.

Экстраполяция выше обозначенных положений на российскую историю позволяет прийти к следующим выводам. В России советского образца общественная система была в значительной степени консолидирована с точки зрения ее идейной направленности и целеустремленности, что существенно сглаживало внутренние социальные противоречия с искомым для государства результатом – ощущением «монолитного единства» культурных, конфессиональных, этнических и иных фракций советского общества. Идеологическим обрамлением подобного состояния общества являлись официально (со стороны государства) сформулированные идеологемы «справедливости», «равенства», «братства» как ключевые регуляторы различных уровней, форм, направлений социальной активности. Почему деградировали, рассыпались выше названные политико-идеологические регуляторы – другой вопрос, требующий специального рассмотрения.

Пока же в рамках констатации «свершившегося факта» можно сказать, что отсутствие в современной России четко артикулированной национальной идеи (национальной идеологии) не позволяет, в частности, политическим путем решать проблему обуздания, минимизации масштабов проявления и распространения культурно-религиозного экстремизма. В политике достижение баланса интересов – это одно, а следование основополагающим ценностям – другое. В рамках интересократической политики можно запустить многочисленные «национальные проекты», но сформулировать национальную идею проблематично. А без этого общество становится демаркированным, обществом «без названия», а государство воплощает «силу без оружия», т.е. то, что не имеет действенных рычагов политико-идеологического воздействия с неизбежным из этого следствием – лавинообразным нарастанием эксцессов культурно-религиозного, этнического и иного характера. Выход видится в переходе от *одностороннего*, окрашенного в культурные и религиозные тона, к *сбалансированному экстремизму*, т.е. такому состоянию, когда политика государства на основе четко артикулированной национальной идеологии не просто бы обозначала и реализовывала стратегические ценностные ориентиры и приоритеты, но и попутно регулировала, сдерживала разрушительную природу культурно-религиозного экстремизма, обеспечивая тем самым гомеостазис – равновесие, порядок в российском обществе.